

порядком продрог. Пришлось выйти в город, закупить спиртного и закуски, чтобы не простудиться окончательно, к вечеру нашелся и хороший собеседник (Н.Н. Хмельницкий), так что мы разошлись спать, изгнав все простуды... Витю я увидел на следующий день, уже в актовом зале. Он выглядел несколько усталым (кажется, приехал ночью). Торжественная часть началась с благословения священников и в целом прошла великолепно: прекрасные речи, посвященные юбилею и достижениям кафедры; после нескольких официальных выступлений слово дали Виктору Александровичу. Не буду пересказывать его речь, но меня, как всегда, поразила его способность быстро включаться в ситуацию: еще минуту назад он сидел, прикрыв глаза от утомления, и словно дремал, но вот встал, и с каждой фразой голос становился всё четче и увереннее, и усталости словно и не было. Он говорил о заслугах Светланы Филипповны и о достижениях кафедры польской филологии, а я вспоминал, сколько славистов из Беларуси обсуждали свои кандидатские и докторские диссертации на заседаниях нашего сектора и сколько из них наставлял и консультировал Виктор Александрович, практически постоянно ездивший в Гродно и опекавший своих бывших учеников до самого последнего года...

Поговорить по-настоящему нам удалось после заседаний секций, дома у Светланы Филипповны, которая отдала Вите ключи, чтобы мы могли немного отдохнуть перед дружеским ужином. Мы сели в гостиную, налили по рюмке коньяка и стали, не торопясь, перебирать разные эпизоды и судьбы людей нашего Института, живых и ушедших. А ушедших (из числа даже самых близких людей) набралось немало. Пришлось достать еще и бутылку водки. Среди многого вспомнили и удивительную командировку в Италию в 1989 г. вместе с академиком Н.И. Толстым, С.М. Толстой, Л.А. Софроновой и В.В. Мочаловой. Мне пришлось до армии учиться у И.И. Толстого, он после моего возвращения из армии узнал меня, и мы с ним дружили (насколько это возможно при такой разнице в возрасте). Видимо, он что-то рассказал обо мне и сыну, потому что Н.И. Толстой, определяя состав делегации настоял, чтобы включили меня. Всю подноготную этой поездки Витя знал лучше меня, он с удовольствием посвятил меня в детали, которых я не знал, но компанию академик подобрал отличную, и мы не только все еще больше подружились в Италии, но и еще не раз и не два встречались вместе в Москве на разных квартирах и по разным поводам, чтобы просто побыть вместе...

На следующий день (помимо конференции) особенно запомнилась поездка на озеро Свитязь, которое я знал только по балладе Мицкевича, но сам ни разу не был. Погода была еще противнее, чем вчера, ветер еще сильнее. Озеро замерзло, но лед был тонкий и еще не занесенный снегом. Рыбы подплывали подо льдом прямо к пошатывающейся пристани, с которой хорошо просматривалось типичное белорусское озеро, каких в Беларуси много, но всё же озеро совершенно особенное, освященное народной легендой и Мицкевичем, поэтому и волнение было особенное, несмотря на холодную пасмурную погоду и почти пронизывающий ветер. «Не пора ли согреться?» – подошел ко мне Витя. «Хорошо бы, – ответил я, – только у меня ничего с собой нет». Витя достал из кармана пальто достаточно вместительную флягу. Подошел еще третий, сейчас мне кажется, что это был именно профессор И.В. Жук, но тогда я его еще лично не знал. Получилась отличная компания, и закуска тут же нашлась, оказывается Светлана Филипповна всё предусмотрела...

Обратно от озера мы сели в автобус вместе с Витей. О чем-то говорили, и вдруг он сказал мне: «Саша, у меня... Врачи говорят, неизлечимый. Так что приезжай в Москву почаще, а то можешь и не застать...» Я успел застать его и поговорить с ним в Москве еще два раза. О болезни мы больше не говорили...

А.А. Гугнин

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ГРЕШНЫХ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ НЕМЕЦКОГО РОМАНТИЗМА: НЕСКОЛЬКО (ПОСТ) ЮБИЛЕЙНЫХ ЗАМЕТОК

Впервые я лично встретился с Владимиром Ивановичем Грешных почти 12 лет назад, осенью 2001 г. в Москве, где он защищал докторскую диссертацию «Художественная проза немецких романтиков: формы выражения духа», а мне пришлось быть одним из его оппонентов. Мы встречались до защиты и после защиты, которая успешно прошла на кафедре истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ под председательством ныне покойного профессора Леонида Григорьевича Андреева. Через год я принял приглашение Владимира Ивановича на конференцию «Романтизм: два века осмысления» (Калининград – Зеленоград, 10–13 октября 2002 г.), где мы окончательно сблизились и, смею надеяться, подружились. Владимир Иванович в моих глазах относится к числу не столь уж часто встречающихся ученых, у которых широкий культурный кругозор и исследовательский талант органично соединяется с педагогическим и организаторским. И именно работа в университете дает подобным людям возможность наиболее оптимально раскрывать свои таланты и способности. Я не могу говорить обо всех сторонах деятельности В.И. Грешных, поскольку в Калининград мне больше вырваться не удалось. Но

не могу не упомянуть великолепное и, на мой взгляд, уникальное издание – «Балтийский филологический курьер», бессменным главным редактором которого Владимир Иванович является с 2000 г. Каждый номер этого журнала поражает меня масштабностью общего замысла и – что для меня очевидно – трудоемкостью его исполнения. Но в нижеследующих заметках я хочу обратить внимание на изданную вскоре после докторской диссертации монографию «Мистерия духа: Художественная проза немецких романтиков» [1], позволяющую, на мой взгляд, хотя бы до некоторой степени обозначить неординарность научного вклада Владимира Ивановича в изучение истории немецкого романтизма, о котором, казалось бы, и так уже слишком много написано... Напомню, монографии предшествовала не только сама по себе докторская диссертация, но, по крайней мере, около 20 лет непрерывных штудий, отразившихся не только в статьях и тезисах, но и в двух книгах [2; 3].

Исследование Владимира Ивановича Грешных представляет собой классический образец фундаментальной научной работы, обладающей двумя важными качествами: *во-первых*, это опора на научную традицию, позволившая ученому освоить и систематизировать огромный материал по теории и истории немецкого романтизма как в форме проникновенного анализа многочисленных текстов немецких писателей, так и в форме осмысления важнейших философских, культурологических и литературоведческих работ по романтизму, накопившихся за два столетия; *во-вторых*, это четко заявленная, композиционно и содержательно структурированная собственная позиция по весьма важным и до сих пор дискутируемым проблемам немецкого романтизма. После исследования В.И. Грешных целый ряд кардинальных вопросов просматривается гораздо отчетливее, и то, что в прежних работах иногда утверждалось недостаточно доказательно или гипотетически, теперь можно считать либо фундаментально доказанным, либо окончательно отвергнуть как несостоятельную гипотезу.

Прежде всего необходимо отметить объем и масштаб проведенного исследования: от эпохи «Бури и натиска» до Генриха Гейне. Но если пятитомный труд Г.А. Корфа, посвященный, по сути, тому же периоду, носит название «Дух времени Гёте» [4], то исследование В.И. Грешных можно было бы с полным правом назвать «Дух эпохи романтизма», и это смещение основного акцента неизбежно повлекло за собой новую оптику, которая особенно отчетливо проявляет себя именно при сравнении с классическим трудом Корфа. Дух времени Гёте, если его рассматривать с сугубо литературоведческих позиций, был пропитан жанровым самосознанием, это был его фундамент; не случайно Гёте создает произведения с такими характерными названиями, как «Новелла», «Баллада», «Сказка» и т. д., сопровождая подобные произведения теоретическими статьями: подводя итоги своего творчества в определенных жанрах, Гёте предлагал канонические тексты с названиями, претендующими на абсолют. Отсюда и неизбежно, что Корфу приходится едва ли не главное внимание в своем труде уделять истории развития жанров. Жанровое сознание немецких романтиков весьма существенно отличилось от жанрового сознания Гёте. Но, пожалуй, впервые в отечественной германистике, принципиальный для жанрового сознания йенских (но не только йенских) романтиков **принцип фрагмента** анализируется с виртуозной тщательностью; В.И. Грешных исследует фрагмент как основополагающий жанр, в наибольшей степени отвечавший философскому и художественному способу мышления многих немецких романтиков, то есть как такой жанр, без которого йенский романтизм, может быть, вообще бы не состоялся. Столь подробного и убедительного анализа фрагмента как формы художественного мышления со всеми вытекающими отсюда последствиями я не встречал ни в отечественных, ни в зарубежных исследованиях. И отсюда простой вывод: неизбежно ущербной оказывается любая работа о немецком романтизме, оперирующая классическими, так сказать хрестоматийными представлениями о жанровом содержании, жанровой структуре и системе жанров. А таких работ в отечественном литературоведении было, к сожалению немало.

Аналитически систематизируя идеи и наблюдения многих своих предшественников (от ранних работ В.М. Жирмунского до опубликованных за последнее десятилетие книг А.В. Карельского, А.В. Михайлова, К.А. Ханмурзаева, Д.Л. Чавчанидзе, Ф.П. Федорова, М.И. Бента и других отечественных и многих зарубежных германистов), В.И. Грешных на основе вдумчивой исследовательской работы с текстами немецких романтиков выдвигает и обосновывает собственное видение особого характера развития романтического духа в Германии, три его фазы: **энтузиазм, карнавал и смятение**. Разумеется, названия глав «Энтузиазм духа», «Карнавал духа» и «Смятение духа» являются своего рода метафорами, но эти метафоры не просто наглядные, образные и емкие, – в рамках рассматриваемого труда они обретают четкие научные контуры и почти терминологическую конкретность. Одним из важнейших достижений исследования В.И. Грешных, на мой взгляд, является даже не столько то, что «энтузиазм», «карнавал» и «смятение» рассмотрены как три фазы (этапа) развития немецкого романтизма, сколько другое и гораздо

более важное – все названные фазы «развития романтического духа в Германии» анализируются сразу в двух аспектах: во-первых, исторически, как следующие одна за другой и сменяющие друг друга, и, во-вторых, – что и является самым важным – как в действительности сосуществовавшие, на практике развивавшиеся не только синхронно, но даже симультанно (то есть в рамках одного и того же произведения). Отдельные тонкие наблюдения на эту тему встречаются как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях, но столь фронтального и детализированного обоснования симультанности всех трех фаз развития немецкого романтизма я до сих пор не встречал.

На фоне вышеназванного научного открытия В.И. Грешных гораздо отчетливее просматриваются теперь и существенные недостатки целого ряда прежних исследований немецкого романтизма. Я укажу здесь лишь на некоторые из них, до сих пор проскальзывающие даже в отдельных диссертациях. В книге Н.Я. Берковского «Романтизм в Германии» (1973), до сих пор остающейся одним из самых ярких введений в мир немецкого романтизма, на самом деле возводится в апофеоз лишь одна его фаза, «энтузиазм духа», который приписывается одной лишь йенской школе, после которой сразу же и бесповоротно наступает «упадок». Из этой концепции «расцвета и упадка», соотносимой прежде всего и почти исключительно с «энтузиазмом», в книге возникает не только масса фактических натяжек и неточностей, но и очевидных для всякого серьезного специалиста провалов, которые однако и до сих пор еще репродуцируются в отечественном литературоведении – прежде всего в силу суггестивной художественности стиля Н.Я. Берковского. Стиль книги В.И. Грешных тоже достаточно суггестивен, но фактических неточностей у него почти нет. Если перефразировать формулу Н.Я. Берковского «расцвет-упадок», то после исследования В.И. Грешных можно метафорически сказать, что немецкий романтизм постоянно нес в себе ростки «расцвета и упадка», но на протяжении более чем полувекового пути развития «расцвет» постоянно прорастал «упадком», а «упадок» столь же неожиданно оборачивался «расцветом». Эта диалектика реальной истории романтизма в Германии, на мой взгляд, отчетливее всего обнаруживается в более чем полувековом творчестве Л. Тика и – чуть в меньшей степени – у К. Brentano. Но именно эти два автора до сих пор являются камнем преткновения не только для многих отечественных, но и для многих зарубежных германистов. С завидным упорством у этих постоянно эволюционировавших и обновлявших свою поэтику писателей пытаются обнаружить «упадок» и придумывают примитивные или замысловатые объяснения этого «упадка». Инерция этого слишком широко распространенного взгляда на творчество Л. Тика и К. Brentano в книге В.И. Грешных, возможно, сказалась лишь в одном – этим крупнейшим авторам не посвящены отдельные главы или параграфы, хотя именно их творчество, по моему глубокому убеждению, наиболее ярко подтверждает одну из важнейших идей монографии: симультанное со-бытие на протяжении всего их творчества «энтузиазма», «карнавала» и «сматения». Но по крайней мере никаких атавизмов в конкретных оценках их творчества я не обнаружил.

Понятие (и фазу в истории немецкого романтизма), обозначаемое как «карнавал духа», В.И. Грешных разрабатывает, отталкиваясь от концепции М.М. Бахтина, адаптируя с учетом новейших исследований некоторые философские и культурологические идеи ученого применительно к немецкому романтизму. Основное в этой адаптации, на мой взгляд, состоит в том, что, уясняя различия средневеково-ренессансного и романтического «карнавалов», В.И. Грешных четко видит специфику романтической карнавальности, которая уже не столько была формой самой жизни и реального мироощущения, сколько выражала свободу индивидуальной воли фантазирующего духа. Эмпирическая реальность физического мира становится для многих немецких романтиков настолько малосущественной, что они зачастую не утруждают себя даже имитацией внешнего правдоподобия, ибо настоящая сцена их произведений – мир духовный, где сосуществуют прошлое, настоящее и будущее, где непременным условием действия является хотя бы частичное упразднение законов физического бытия, где действующими лицами становятся различные духовные проекции одной и той же личности, вступающие в конфликты в искусственно смоделированном мире сознания. Разумеется, вся художественная литература в той или иной мере является вымыслом, но все же очень важна сознательная творческая установка художника на правдоподобие или хотя бы на имитацию этого правдоподобия. Очень серьезной заслугой В.И. Грешных является как раз то, что он раскрывает механизм и функции немецкой романтической модели художественного мира и художественного пространства – от произведений, созданных еще в XVIII веке, до Гофмана, Эйхендорфа и Гейне. В этой части исследования возникают определенные переклички с известной монографией Федора Полиектовича Федорова «Романтический художественный мир: пространство и время» (Рига, 1988), но при всем сходстве отдельных суждений, книга Ф.П. Федорова представляется мне более традиционной, в конечном итоге выстроенной по принципу соотношения романтизма и реализма и подводящей к тому, что поздние романтики постепенно эволюционируют в сторону реализма. Но убедительный анализ логики фрагментарного мышления немецких романтиков, проведенный В.И. Грешных, позволяет взглянуть на эту уже традиционную для литературоведения проблему несколько иначе: анализ конкретных произведений показывает, что у немецких романтиков вплоть до Эйхендорфа и Гейне в одном произведении постоянно сталкивались две логики: фрагментарная (выстроенная по законам духовного мира) и

причинно-следственная (относящаяся к миру физическому), и эти две логики не только вступали в активный диалог, но и противоречили друг другу, и в их противоречии для романтиков приоритетной оставалась логика фрагментарная, как в новелле Эйхендорфа «Из жизни одного бездельника» (1829) или даже у Гейне («Идеи. Книга Ле Гран», 1827). Никакого сближения с реализмом нет ни у Эйхендорфа, у которого, как пишет В.И. Грешных, «перед читателем разыгрывается интереснейший фарс, действующими персонажами которого являются духовные противоположности одного и того же человека» [1, с. 273], ни в «Идеях» Гейне, где, основными «героями» являются «идеи-понятия» и «идеи-персоны» и где, по существу, почти безраздельно господствует принцип романтического фрагмента и логика духовного мира демонстрирует свое превосходство над логикой мира физического, хотя духовный мир Гейне достаточно заметно отличается от духовного мира йенских романтиков.

Понятие (и фазу в истории немецкого романтизма), обозначаемое как «карнавал духа», В.И. Грешных разрабатывает, отталкиваясь от концепции М.М. Бахтина, адаптируя с учетом новейших исследований некоторые философские и культурологические идеи ученого применительно к немецкому романтизму. Основное в этой адаптации, на мой взгляд, состоит в том, что, уясняя различия средневеково-ренессансного и романтического «карнавалов», В.И. Грешных четко видит специфику романтической карнавальности, которая уже не столько была формой самой жизни и реального мироощущения, сколько выражала свободу индивидуальной воли фантазирующего духа. Эмпирическая реальность физического мира становится для многих немецких романтиков настолько малосущественной, что они зачастую не утруждают себя даже имитацией внешнего правдоподобия, ибо настоящая сцена их произведений – мир духовный, где сосуществуют прошлое, настоящее и будущее, где неперенным условием действия является хотя бы частичное упразднение законов физического бытия, где действующими лицами становятся различные духовные проекции одной и той же личности, вступающие в конфликты в искусственно смоделированном мире сознания. Разумеется, вся художественная литература в той или иной мере является вымыслом, но все же очень важна сознательная творческая установка художника на правдоподобие или хотя бы на имитацию этого правдоподобия. Очень серьезной заслугой В.И. Грешных является как раз то, что он раскрывает механизм и функции немецкой романтической модели художественного мира и художественного пространства – от произведений, созданных еще в XVIII веке, до Гофмана, Эйхендорфа и Гейне. В этой части исследования возникают определенные переклички с известной монографией Федора Полиектовича Федорова «Романтический художественный мир: пространство и время» (Рига, 1988), но при всем сходстве отдельных суждений, книга Ф.П. Федорова представляется мне более традиционной, в конечном итоге выстроенной по принципу соотношения романтизма и реализма и подводящей к тому, что поздние романтики постепенно эволюционируют в сторону реализма. Но убедительный анализ логики фрагментарного мышления немецких романтиков, проведенный В.И. Грешных, позволяет взглянуть на эту уже традиционную для литературоведения проблему несколько иначе: анализ конкретных произведений показывает, что у немецких романтиков вплоть до Эйхендорфа и Гейне в одном произведении постоянно сталкивались две логики: фрагментарная (выстроенная по законам духовного мира) и причинно-следственная (относящаяся к миру физическому), и эти две логики не только вступали в активный диалог, но и противоречили друг другу, и в их противоречии для романтиков приоритетной оставалась логика фрагментарная, как в новелле Эйхендорфа «Из жизни одного бездельника» (1829) или даже у Гейне («Идеи. Книга Ле Гран», 1827). Никакого сближения с реализмом нет ни у Эйхендорфа, у которого, как пишет В.И. Грешных, «перед читателем разыгрывается интереснейший фарс, действующими персонажами которого являются духовные противоположности одного и того же человека» [1, с. 273], ни в «Идеях» Гейне, где, основными «героями» являются «идеи-понятия» и «идеи-персоны» и где, по существу, почти безраздельно господствует принцип романтического фрагмента и логика духовного мира демонстрирует свое превосходство над логикой мира физического, хотя духовный мир Гейне достаточно заметно отличается от духовного мира йенских романтиков.

Я акцентировал внимание лишь на тех позициях и выводах исследования В.И. Грешных, которые представляются наиболее важными и новаторскими по глубине и оригинальности разработки важнейших проблем немецкого романтизма. К сожалению, тираж этой этапной книги – всего 200 экземпляров, в продаже в Москве я ее никогда не видел, по-видимому, весь этот мизерный тираж разошелся в самом Калининграде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грешных, В.И. Мистерия духа: Художественная проза немецких романтиков / В.И. Грешных. – Калининград: Изд-во КГУ, 2001. – 406 с.
2. Грешных, В.И. Ранний немецкий романтизм: фрагментарный стиль мышления: Монография / В.И. Грешных. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. – 144 с.

3. Грешных, В.И. В мире немецкого романтизма. Ф. Шлегель, Э.Т.А. Гофман, Г. Гейне: Учебное пособие / В.И. Грешных. – Калининград, 1995. – 91 с.
4. Korff, H.A. Geist der Goethezeit. Versuch einer ideellen Entwicklung der klassisch-romantischen Literaturgeschichte / H.A. Korff. – Bd. 1–5. – Frankfurt, Giessen, Leipzig, Harvard, Columbia, 1914–1954.

Этот небольшой текст сначала появился как рецензия на монографию В.И. Грешных (2001), потом я дописал его для сборника к 70-летию юбилею Владимира Ивановича, который был опубликован в Калининграде. Когда – вскоре после выхода юбилейного сборника – калининградские коллеги прислали известие о его кончине, я был настолько выбит из колеи, что даже соблезнование не смог сочинить. Ведь мы с Володей одноклассники (он и родился в нынешней Липецкой области, где у меня немало родственников с отцовской стороны и где я не раз бывал), и взгляды на жизнь, и мысли наши о жизни, о литературе, о науке были во многом похожие, во всяком случае мы понимали друг друга без излишних разъяснений. И оба мы еще надеялись, что еще не раз увидимся, осуществим совместные планы, просто посидим, поговорим или даже помолчим вместе... Этому не суждено было сбыться. Но если мне всё же еще удастся что-то осуществить из того, о чем мы говорили, то я сделаю это из благодарной памяти о друге...

2001/2011/17.07.2012

А.А. Гугнин

ГРЕШНЫХ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ
(6 ОКТЯБРЯ 1941 Г. – 17 ИЮЛЯ 2012 Г.)

На 71-м году жизни, после тяжёлой, продолжительной болезни ушёл от нас прекрасный человек, педагог по призванию, почётный работник высшего профессионального образования РФ, признанный учёный-германист с мировым именем, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной филологии Балтийского федерального университета им. И. Канта **Владимир Иванович Грешных**.

Вся жизнь Владимира Ивановича была связана со Словом. Он родился в селе Липовка Добровского района Рязанской области (нынешняя Липецкая область). В 1967 г., после окончания историко-филологического факультета Липецкого государственного педагогического института начал работу в этом же институте. Владимир Иванович работал в разных ВУЗах России, а с 1985 г. преподавал в БФУ им. И. Канта, в котором с 1991 г. возглавил кафедру зарубежной филологии.

Тяжелая болезнь не сломила Дух этого замечательного человека, который почти до самых последних дней руководил кафедрой, аспирантами, осуществлял учебную, научную, лекционную и редакторскую деятельность. Жизненный путь Владимира Ивановича был и остается для его учеников, студентов, аспирантов, коллег, друзей и близких ярким примером терпения и стойкости, мудрости и глубокой человечности, искренней любви к людям.

Светлая память об этом энциклопедически образованном, светлом, добром, обаятельном, ироничном и скромном человеке навсегда будет жить в наших сердцах.

Коллектив БФУ им. И. Канта